

РОДНИКИ ТВОРЧЕСТВА

О ПОВЕСТЯХ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Имя Валентина Распутина в сознании читателей долгое время неотделимо было от имен тех его сверстников и соратников, которые все почти в одно время появились на страницах художественной нашей периодики и которых критика, не без резона, объединила понятием — молодая деревенская проза. Для них излюбленным жанром стала повесть, жизненным материалом — деревня, героем — нынешний или бывший ее житель.

До поры и читатели, и критики больше замечали, что сближает Распутина с его собратьями, чем то, что отличает, подчеркивали, так сказать, не индивидуальные, а видовые признаки, быть может, именно потому, что они больше бросались в глаза.

Так было и тогда, когда после ряда очерковых книжек появилась первая, получившая всесоюзное звучание, повесть Распутина «Деньги для Марии». Ясно стало, что он из тех по складу, направленности таланта прозаиков, для которых очерк — лишь этап, лишь школа мастерства. И все же для первой его повести характерна известная схематичность композиции, отдающей «очерковым ходом».

Однако сила Распутина проявилась уже здесь — в той пронизательности, с которой он, человек невеликого еще тогда возраста, ощущает и передает душевное состояние, строй мышления самых различных по характеру, жизненному опыту, образованию людей.

Давно уже оценены, можно даже сказать, инвентаризированы в критике нашей как крайности самой деревенской прозы, так и издержки отношения к ней — от безразличного пренебрежения до напыщенных восторгов. Вторая повесть Распутина «Последний срок», появившаяся в самый разгар литературных споров, находясь в русле основных тенденций направления, в то же время лишена тех крайностей, того надрыда, против которых справедливо выступает наша критика. Присущее таланту Распутина самобытность и чувство художнической меры помогали находить верный тон. Именно этим особенностям его дарования мы и обязаны галерее запоминающихся образов, картин деревенской жизни с ее буднями, смешением трагического и комического, радостями, болями, столкновениями... Главное же в повести — это старуха Анна. Поведава о жизни и смерти простой русской женщины, писатель приблизил нас к неброской, как бы изнутри священной красоте народного характера.

Начиная уже с «Последнего срока», мы замечаем, что в основе каждого из повествований Распутина, у истоков его, лежит событие, более или менее значительное по масштабу своему, но неизменно драматическое. Событие, представляющее собой нечто неотвратимое, что предчувствуют или предвидят герои, и это

почти физическое ощущение ожидания составляют и канву, и содержание произведения.

В повести «Деньги для Марии» все поступки и переживания героев сосредоточены вокруг обнаруженной в магазине у Марии недостачи, в которой она неповинна, и имеют своей целью предотвратить надвинувшееся нежданно и незаслуженно несчастье. В основе второй вещи — ожидание смерти старухи Анны. В «Живи и помни» действие мертвой петлей захлестывается вокруг дерзостирства Андрея Гуськова из армии в последние месяцы Великой Отечественной...

Повесть эта, заслуженно выдвинутая вновь на соискание Государственной премии СССР 1977 года, может служить тем, пока, на мой взгляд, единственным в творчестве Валентина Распутина примером, когда замысел и воплощение оказались в полной гармонии друг с другом. Именно с этой повести имя Распутина зазвучало, так сказать, само по себе, творчество его вошло в сознание читателя как самостоятельное существующее значительное явление литературы.

...Сколько поистине золотых страниц нашей советской прозы посвящено русской деревне в годы войны. Что, казалось, может добавить к сказанному человек, которому в сорок первом исполнилось всего четыре года... Но стремительно летит время, и все чаще и настойчивее к святой теме войны обращаются дети тех, кто к ней имел отношение непосредственное. Крошечный, микроскопический, в общем-то, эпизод, почти неразличимая зарубка на древе войны — история Андрея Гуськова и Настены. Но, быть может, с военного детства трагическим уроком запада она в душу писателя. Повесть о падении и гибели двух молодых жизней послужила исходным толчком для создания произведения глубоко партийного, патриотического.

Атамановка Распутина, маленькая, о тридцати дворах деревушка, вырастает на наших глазах в несокрушимый нравственный форпост, который в глухих лесах Восточной Сибири, в тысячах километров от фронта, верно и твердо стоит на страже всего, что завоевано, выпестовано Советской властью, всей нашей жизнью.

Повествовая о днях минувших, произведение Распутина целиком обращено в день сегодняшний. Оно зовет жить честно и прямо, служить своей Родине самоотверженно, по законам того истинного благородства, которое только в родстве со своим народом, нераздельности с ним и состоит. Именно в этой вещи заявили о себе, и уже во весь голос, отличительные черты мастерства Распутина. Течение событий, и внешне и внутренне, направляется автором, словно

бесстрашным лопманом на порогах Ангара, по тому единственно верному и возможному психологически руслу, когда самоубийство Настены, удесятеренное и без того лютую вину Андрея, труса, предателя и эгоиста, воспринимается как очищение, как тот единственный шаг, которым в ее представлении только и может она избавить свою вину перед людьми и собой.

В повести достигается особой силы обнаруженная еще ранее способность слушать и воспроизводить в тонком, поистине музыкальном переложении живую речь, внутренние монологи персонажей. Речь героев, как, впрочем, и авторская, литературна и народна в одно и то же время. Она и вбирает в себя все разнообразие, богатство, весь колорит словаря и фразеологии восточносибирской деревни, но и свободна от излишеств, архаизмов и областничества, которыми редко кто из пишущих о деревне не соблазнится.

Скажем, наконец, и о раскрывшемся здесь в полную силу даре видеть, чувствовать, понимать природу. Врачуя, вбирая в себя или, наоборот, отторгая души людские, природа на страницах этой прекрасной повести — непереносимый свидетель и соучастник всего происходящего.

В последней своей вещи — «Прощание с Матёрой», опубликованной в конце минувшего года в журнале «Наш современник», Распутин вновь обращается к коренным вопросам жизни и смерти человека, истокам и целям его существования, его отношениям с обществом и природой. Только теперь — это сегодняшний день с его сегодняшними проблемами. В центре внимания писателя — судьба целой деревни, оказавшейся на самом перекрестке созидательных забот века.

Вчитываясь в «Прощание с Матёрой», невольно оглядываешься на события почти четвертьвековой давности, когда проблемы преобразования природы, самого лика земли для нужд человека впервые во весь рост встали перед нами, народом, который, залечивая зияющие раны и боли войны, собиравшись для дерзкого прыжка в будущее. Что говорить, нам тогда многое в литературе казалось и ближе, и достижимее, и виделось в основном коллективной стороной — хватило бы рук, экскаваторов, саженьцев да бетона, чтобы перегородить реки плотинами да посадить лесополосы...

Охрана окружающей среды, равновесие в природе, экологическое эхо — эти и многие другие понятия у всех сегодня на устах — и недаром! Вот и «Прощание с Матёрой» не что иное, как попытка взглянуть на созидательную деятельность человека с особой точки — с того, так сказать, берега, которому суждено бу-

дет стать дном будущего моря.

Во всеуслышание звучит здесь голос старухи Дарьи, ее соседок и подружек, которым трудно, невозможно примириться с тем, что Матёры больше не будет. Их слово в споре, где ставкой вся прошлая и будущая их жизнь, их земля, традиции, устои, сказано болью души.

Вспомним разговоры, которые ведет Дарья со своим внуком. Двадцатилетний Андрей, отслужив в армии, заглянул в Матёру перед тем, как уехать на какую-нибудь стройку, да обязательно такую, что — «ни одно утро не обходится, чтобы о ней не говорили по радио».

Андрей — славный, естественный, «невыболевший, не потратившийся на работе парень», со здоровыми и благими порывами, в которых он, однако, и сам еще не разобрался до конца. Матёру ему жалко. «Она нам родная», но по-другому, значит, нельзя. «Электричество, бабушка, требуется, электричество... Наша Матёра на электричество пойдёт, тоже пользу будет людям приносить».

Втолковывает он все это бабушке, «ласково задирая ее», неужели, мол, непонятно. И старшие так же с улыбкой, но задумчиво отвечают ему: «Почему не понимаем? Маленько и мы чего-то понимаем. Я с тобой не о том говорю, нужна или не нужна ГЭС, об этом спору нет. Я говорю, что и здесь кому-то работать надо».

Это отец. А бабушка столь же резонно возражает внуку, который «отсталость» ее объясняет себе тем, что она, мол, «дальше Матёры носа не высывала»: «Я мало видала, да много жила».

Тут не условные архаика с модерном столкнулись, не абстрактно понятия старое и новое... Опыт и мудрость беседуют с молодостью, необстрелянностью. И вот-вот, кажется, проглянет в их спорах истина, которой не хватает пока обоим сторонам.

К сожалению, диалоги эти, выписанные с доброй и мудрой лукавинкой, не получают такого, как хотелось бы, развития. Они лишь эпизод в повести. Андрей вскоре уезжает, другого же оппонента у Дарьи и ее товарок, для которых переселение с Матёры — конец мироздания, не находится. Голоса тех, чьей волей и действиями затопляют Матёру, читателю услышать не дано.

И вот это представляется мне односторонностью.

Да, мы не зря прожили четверть века. И печаль, и литература наша, эти рупоры общественного мнения, не раз за последние годы вступали в схватку с ура-прожектерством и одерживали победу, в том числе и тогда, когда речь шла о судьбе рек, озер, лесных и земельных массивов. Но для того, чтобы был спор, каждая из сторон должна получить слово.

Хочется спросить автора: оправданно ли в принципе, по его мнению, строительство той конкретной ГЭС, ради которой затопляют Матёру? Это — не праздный вопрос. Если да, если вышло так, что приверженность к родному очагу старейших жителей села по необходимости, увы, столкнулась с целесообразностью более высокого порядка, затрагивающей интересы несоизмеримо большего количества людей, — неизбежное прощание с Матёрой для нас — элегия, высокая и светлая грусть по тому, что, увы, уносит с собой время. Ну, а если то, что происходит с Матёрой, — просто головоутолство (и так бывало), тогда наши читательские чувства приобретут иную окраску...

Распутин взялся за тему, где проблемы этические и экономические, житейские и философские завязаны в один узел, и такой тугой, что, дергая лишь за две-три ниточки, его никак не распутаешь. Выпячивание одних сторон повествования в ущерб другим деформирует общее впечатление.

И начинает казаться, что монологи Дарьи, столь захватывающие поначалу, неоправданно затянуты, что деление героев на положительных и отрицательных по одному лишь принципу — хочет или не хочет человек уезжать с Матёры — весьма искусственное, что не хватило здесь писателю того самого чувства меры, которое составляет сильную сторону его творчества...

Как это ни парадоксально, именно увлеченность автора, влюбленность его в жизнь, о которой он пишет, безоглядая погруженность в нее, мешают ему с необходимой дистанцией взглянуть на свое детище, обозреть его в перспективе. А только так и можно заметить перекосы, диспропорции.

Несколькими годами раньше Распутин опубликовал в «Нашем современнике» нечто вроде документальной повести «Вниз по течению». Это и был первый приступ к теме Матёры. Герой произведения, молодой писатель, навестивший родных в таком же вот, наверное, новом поселке, как тот, куда теперь перебираются жители Матёры, покидает земляков с чувством неудовлетворенности собой. «Надо будет», — говорит Виктор, — еще вернуться, — увидеть и испытать заново все то, что он уже видел и испытал, в новой поездке, но быть самому другим человеком, более опытным и спокойным, хорошо и ясно представляющим, куда он едет и что там найдет.

«Прощание с Матёрой» — и есть такое возвращение, и, наверное, не последнее. Вот только что повесть вышла в однодневнике произведений Распутина, и книжный вариант её отличается, и к лучшему, от журнального. Распутин вперен, в своем поиске, и в этом — залог и источник его роста.

Борис ПАНКИН.

Травда 1974, 25 июля, № 106.